

crime & private

Анна Данилова
Пикник на красной траве

Crime & private

Анна Данилова

Пикник на красной траве

«Автор»

2001

Данилова А.

Пикник на красной траве / А. Данилова — «Автор»,
2001 — (Crime & private)

ISBN 978-5-699-31955-8

Судьба насмежалась над Марго, когда столкнула ее, бездомную и без гроша в кармане, в одном купе с внезапно умершей девушкой, обладательницей не только московской прописки, но и портмоне, набитого деньгами. Казалось, что кто-то могущественный и коварный предлагает Марго занять ее место. Но как это сделать по-умному, чтобы, с одной стороны, не привлекать к себе особого внимания, но в то же время успеть воспользоваться всем тем, что само идет в руки? Первое, что пришло в голову, это избавиться от тела. Лучше бы Марго этого не делала! Но человек слаб, а соблазн велик... Выкинув труп в окно, Марго отрезала себе все пути к отступлению: вместе с вещами и документами покойной она приняла на себя и чужую жизнь...

ISBN 978-5-699-31955-8

© Данилова А., 2001

© Автор, 2001

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Анна Данилова ПИКНИК НА КРАСНОЙ ТРАВЕ

Дорогой читатель Митес!

Мелая естество, мира и
здоровья! А еще — любви —
то самое лучшее в жизни!

Учитайте, познавайте и
используйте удовольствие от
жизни! И творите сами!

Анна Данилова (федос)

Глава 1

Ей показалось, что девушка не дышит. Сначала было ровное спокойное дыхание, затем какой-то всхлип, и все – стало необычайно тихо. Ее попутчица возвращалась с курорта, где поправлялась после какой-то операции. Она была загорелая, веселая, угощала красным вином, черным виноградом и говорила, что это полезно для крови. Еще они слушали музыку – Инга, так звали девушку, достала из рюкзака маленький магнитофон с чистым, волшебным звучанием (она предпочитала классику) – и смотрели в окно. Музыка придавала поездке минорную, но одновременно какую-то счастливую ноту. Под божественные звуки маленькой ночной серенады Моцарта особенно живописно смотрелись умытые дождями зеленые леса и поля, сизые озера, мимо которых они проносились. Органная баховская музыка, хлынув со всей своей религиозно-мистической мощью прямо в самое сердце, разбередила в Маргарите ставшие заживать раны, коснулась слезных каналов, стало трудно дышать.

Если Инга, по ее словам, возвращалась с юга, где спокойно и в свое удовольствие отдыхала в обществе молодых и красивых мужчин, с которыми она легко заводила романы, наслаждаясь солнцем и золотым песком, то Маргарита, в отличие от нее, спасалась бегством от мерзавца-сожителя, проигравшего ее в карты и, по сути, собиравшегося продать в рабство. Человек, ради которого она бросила институт и устроилась работать официанткой в ресторан «Камелот», чтобы только заработать на квартиру и еду, оказался хрестоматийным игроком, в сущности, психически больным человеком. В тот день, когда все произошло, она как ни в чем не бывало готовила ужин и поджидала Вадима домой. Раздался звонок, она, не спросив, открыла дверь, и в квартиру вошел человек, при виде которого Рита побледнела... «Твой друг, моя хорошая Марго, задолжал мне. Денег у него, как ты и сама прекрасно знаешь, нет, поэтому он отдал мне тебя. Собирайся. Даю тебе четверть часа. Я жду внизу». Это был Гамлет, хозяин всех местных казино и бильярдных. Быть может, ничего страшного с ней и не произошло бы, пойдя она с ним, Гамлет наверняка сделал бы из нее крупье или устроил барменшей куда-нибудь к себе, но сам факт того, что Вадим ПРОДАЛ ее кому-то, оскорбил ее до глубины души. Она понимала, что последние два месяца живет как-то не так, что связь с Вадимом опустила ее на несколько ступеней, придав всей ее жизни налет гнусности и грязи. Но она любила этого красивого парня, ей нравилось появляться с ним в ресторанах, куда он водил ее, когда был при деньгах. Кроме того, Вадим обладал одним качеством, которое его выгодно отличало от ее бывших приятелей, – он почти не пил. Вероятно, его сжигала другая страсть, сильнее денег, женщин и вина, – карты. Поначалу Маргарита не обращала на это внимания и первое время даже радовалась, когда он, возвращаясь под утро и выворачивая карманы, с каким-то даже отвращением (причем не показным, она его хорошо изучила) вываливал прямо на кровать или ковер смятые пачки банкнот, перетянутые тонкими цветными резинками. Но деньги кончались, и им приходилось есть одну морскую капусту и стирать сорочки дурно пахнущим, черным хозяйственным мылом... Голодный желудок и любовь несовместимы, как весенние нарциссы и распухшие от горчицы и хлорки руки посудомойщицы «Камелота». Тяжелый труд отравил ее любовь к Вадиму. Она стала потихоньку ненавидеть его, откладывала тайком деньги в надежде в один прекрасный день бросить его и, сняв отдельную квартиру, начать новую жизнь, и, когда он об этом узнал, обнаружив тайник в банке из-под какао, впервые избил. Ударил несколько раз по лицу. Она выбежала из дома в одном платье, несмотря на холод и дождь, но, покружив недолго вокруг дома и вымокнув до нитки, поняла, что у нее все равно, кроме этого несчастного картежника, никого нет на всем белом свете; вернулась, поскулила под дверью, как собачонка, и, когда ее впустили, даже выдавила из себя улыбку – жизнь продолжалась. Затем приблизительно через неделю Вадим принес ей норковую шубу,

золотые часы, но спустя пару дней все молча отобрал, продал и проиграл подчистую... И вот теперь он, задолжав Гамлету, расплатился, называется...

* * *

Инга была нелюбопытна. Ее совершенно не интересовало, кто куда едет. О себе же рассказывала охотно, хотя тоже избирательно, лишь то, что касалось ее времени препровождения на юге. На вопрос, замужем ли она, девушка загадочно улыбнулась и сказала, что брак – это отсутствие свободы, Марго поняла и не стала настаивать на более откровенном ответе. Но то, что у этой девицы с красивым именем Инга не было проблем с мужчинами, не вызывало сомнений. Она была обаятельна, умна, любила жизнь и наслаждалась каждым отпущенным часом. Натуральная блондинка с черными блестящими глазами, гибким телом и быстрыми, как у молодого животного, движениями, она вызывала у Марго нездоровое чувство зависти. Маргарита была на несколько порядков ниже своей попутчицы: стрижка, уродующая и без того невзрачную внешность (это Вадим постриг ее спящую огромными портновскими ножницами: «Я стрижу тебя, девочка, как газон, сиди и не шевелись, а то останешься у меня без ушей», и тут же: «Когда будут деньги, сходишь в приличный салон»), обломанные ногти с заусеницами, спортивный мужской костюм, болтающийся на ней, как на вешалке (убегая от Гамлета, она сама себя не помнила от страха и унижения, а потому надела первое, что попало под руку), кроссовки, которые с прошлого лета «просили каши»...

Сейчас была ночь, за окном сияли огни – стояли на какой-то тихой безлюдной станции. Инга, вытянув руки вдоль тела, спала. Ее лицо казалось голубым от бьющего сквозь стекло света уличного фонаря, а грудь по-прежнему не вздымалась. Рита села и внимательно посмотрела на соседку, затем все-таки не выдержала, встала, подошла и склонилась над ней. «Или я сошла с ума, или она – умерла».

– Инга, – потрогала она ее руку, которая на ощупь оказалась еще теплой. – Инга, проснись...

Но она не просыпалась. Тогда Марго ущипнула ее, сначала слабо, затем сильнее, еще сильнее... Схватив девушку за плечи и приподняв ее, она трясла ее, как куклу. Все было бесполезно. Включив свет, Рита достала из сумки зеркало и поднесла к ее губам – оно не запотело... Попыталась нащупать пульс – его не было, не было! Задрала майку, прижалась щекой к груди слева – сердце Инги не билось. Она умерла. Не помогло ни красное вино, ни виноград... Видать, серьезная была операция...

...Поезд тронулся. Рита села напротив покойной и стала лихорадочно соображать, что делать дальше. Инга, в отличие от нее самой, заплатившей за свой проезд лично проводнице, ехала с билетом. Следовательно, если ее здесь обнаружат, то без труда определят фамилию, поскольку она указана в билете, а билет у проводницы. Если же ее не обнаружат, то о том, что она когда-то ехала в этом поезде, никто и не вспомнит. Разумеется, кроме тех, кто будет ее встречать на вокзале в Москве. Дрожащими руками Марго принялась расстегивать рюкзак попутчицы, предварительно закрыв дверь на замок и зашторив окно. Паспорт на имя Инги Новак, пластиковые карточки, разноцветные, красивые, о назначении которых неискушенная Марго могла только догадываться (банковская, телефонная, на метро?), портмоне, набитое долларами, марками и рублями, очки в футляре, водительское удостоверение, какие-то бумаги в небольшой кожаной папке на «молнии», связка ключей, пакет с туалетными принадлежностями, маленький фен, одежда... Она снова открыла паспорт и, листая его, поняла, что Инга не замужем, прописана в Москве – Рождественка... Судьба насмеялась над ней, когда столкнула в одном купе бездомную и без гроша в кармане Марго с внезапно умершей обладательницей не только московской прописки, но и наличных денег. Казалось, что кто-то могущественный и коварный предлагает Марго занять хотя бы на время ее место. Но как это сделать по-умному,

чтобы, с одной стороны, не привлекать к себе особого внимания, но и в то же время успеть воспользоваться всем тем, что, можно сказать, само идет в руки? Первое, что пришло в голову, – это избавиться от тела. «Ведь она же все равно ничего не чувствует...» Марго вспомнила, как они ехали при открытом окне, как дышали свежим, пахнущим травами и цветами воздухом.

Надо было что-то срочно предпринимать. До Москвы каких-нибудь четыре часа, не больше. За это время надо выбрать удобный момент для того, чтобы сбросить тело в таком месте, где его не сразу найдут. Ей казалось, что ею руководит кто-то невидимый и хладнокровный: выключив свет и открыв, навалившись изо всех сил на широкую металлическую планку, окно, она спокойно подошла к лежавшей на постели мертвой девушке, раздела ее до трусов и, подхватив под мышки, подтащила к столу – оттуда было удобно столкнуть труп в прохладную, ничего не подозревающую звездную ночь, в черные бархатные заросли, поблескивающие оранжевыми пятнами от пролетающих мимо кое-где светящихся окон скорого...

Начавшее коченеть тело оказалось тяжелым, но последним усилием, помогая себе коленом, Марго все-таки избавилась от страшной попутчицы, отряхнула руки, как если бы выбросила в распахнутое окно пыльный мешок с мукой. Села, тяжело дыша, на свою постель, затем спустя пару минут закрыла окно, включила свет, достала из чужого рюкзака аккуратно сложенные джинсы, черную водолазку, надела их. Переобулась в белоснежные льняные ботиночки Инги (ловя себя на том, что всю дорогу только и смотрела на них, мечтая о таких, и подумала: не они ли послужили одной из причин, толкнувших ее на столь страшный поступок?), а свою одежду и кроссовки вместе с остальными вещами и сумкой отнесла в туалет – там тоже было раскрыто окно...

Поезд неумолимо мчал ее в Москву, к тому самому перрону, где Ингу могли встречать, следовательно, могли и узнать находящиеся в руках незнакомой девушки рюкзак с сумкой (большой дорожной сумкой Инги, содержимое которой Марго еще не успела проверить), да и приметные белые ботиночки... Она заметалась по купе, собираясь и укладывая вещи, доедая в каком-то нервическом порыве виноград и запивая его остатками вина, как вдруг сладкая сочная масса застряла у нее в горле – ей вдруг пришло в голову, что Инга умерла не своей смертью, а ее отравили те, кто угостил ее перед отъездом виноградом и вином... Но приторный ком все же проскользнул, она глотнула и непроизвольно сделала еще один, последний глоток вина – все было вкусное и прохладное, как раз для того, чтобы утолить и голод, и жажду и немного остудить мозги... Нет, никакой отравы она не почувствовала. Остатки пиршества тоже пришлось выбросить в окно туалета – открывать второй раз большое с тяжелой и тугой рамой окно купе она не решилась. Вернувшись, она вдруг почувствовала, как поезд замедляет ход. Как же это кстати! Сейчас будет станция, на которой она и сойдет. Чтобы проводница не разглядела ее лица, она надела очки Инги, оптические, слабые (та пользовалась ими всего лишь раз, когда пыталась разгадать кроссворд), не мешающие ее хорошему зрению, но на удивление изменившие внешность, и встала, застыла перед дверью с рюкзаком на спине и сумкой в руках, чувствуя всем телом одежду покойницы, давящую на нее своим прошлым, настоящим и будущим. «Меня зовут Инга. Инга Новак. Мне двадцать три года. Я живу в Москве по адресу: улица Рождественка...» Голова ее кружилась перед открывающимися возможностями. Ей не хотелось думать о том, какому риску она подвергнется там, уже в Москве, едва переступит порог «своей» квартиры, кто ее там встретит и что вообще ее ждет в ближайшие день-два... Но и без этой роковой встречи с Ингой Москва не сулила ей ничего, кроме рабского труда, ночевки на вокзалах, неизбежных встреч с представителями закона и прочих предугадываемых «преlestей», сопровождающих жизнь бомжей...

* * *

На ее счастье, проводница (для которой и были надеты очки), открыв на станции дверь, выпустила единственного пассажира и ушла к себе, дав возможность Марго спустя пару минут выйти никем не замеченной из вагона.

В Москву она приехала лишь к вечеру, пропустив два проходящих скорых, мчавшихся в столицу, и сев на третий. Проводница, толстая неприветливая тетка, устроила ее в крохотное купе проводников. И вот там, уже более спокойно осмотрев вещи Инги и документы, она поняла, что ни на какую улицу Рождественку она, конечно, не поедет. Наличных денег было вполне достаточно, чтобы на первое время снять номер в гостинице и осмотреться: не торопясь выяснить, с кем жила Новак на Рождественке, спохватился ли ее кто, да и вообще постараться войти в контакт хотя бы с соседями по квартире, чтобы как можно больше узнать об этой умершей девице. А что, если ее квартира ломится от родственничков, которые уже спустя час после прихода поезда начнут бить тревогу, звонить туда, откуда Инга ехала, справляясь, успела ли она на поезд и не изменились ли ее планы; затем обратятся в милицию, а там, в свою очередь, выяснят, что Инга Новак ехала таким-то поездом в таком-то вагоне... «Господи, какое счастье, что у меня не было билета, – думала она, глядя слипающимися глазами в окно, – а то бы меня быстренько вычислили... Соседка все-таки по купе».

Когда, приближаясь к перрону, поезд стал замедлять ход, Рите вдруг стало страшно. Она представила себе разбитую о насыпь и камни мертвую окровавленную девушку, и тошнота подкатила в горлу. Но все эти «сентиментальные» чувства сгнули, едва она вступила под своды вокзала и вдохнула в себя аромат кофе из буфета, кислый дух немых бомжей, притулившихся на бойких местах и игравших свою неповторимую «ущербную» роль, и смрад полуразжившихся ходячих трупов – «синяков», подбирающих бутылки. Марго была уверена, что, не встретив она на своем пути Новак, тоже закончила бы свое существование где-нибудь на таком же вокзале или вообще на помойке.

Так, приободряя себя подобным образом, она достала из кармана билет на метро (теперь она постоянно будет пользоваться чужими предметами, суть которых начнет понимать постепенно, по ходу событий), спустилась на эскалаторе вниз и села в вагон, идущий к площади Революции (*мне надо в центр, там уж я куплю карту и во всем разберусь, надо срочно смаковать с вокзала*).

Кроме гостиницы «Россия», что на Варварке, она слышала только об «Интуристе» да «Метрополе». Но в последние (для большинства – первые) она побоялась сунуться из-за дороговизны, а вот в «Россию» вошла, как в дом родной. Еще в детстве она бывала здесь нередко, когда они с мамой приезжали в Москву по делам. Но это тогда маленькой Марго казалось, что у мамы на самом деле важные дела по работе. Теперь-то она понимала, что мама приезжала в Москву на свидания с мужчиной. И если бы не ранняя мамина смерть (от воспаления легких, «она буквально сгорела в три дня», так говорили на ее похоронах), кто знает, быть может, она вышла бы замуж за этого человека, а у Риты появился бы маленький братишка или сестренка.

Подойдя к конторке администратора, она, краснея до ушей, нащупала в кармане ее паспорт. Испугалась, полезла в сумку и, боясь посмотреть красивой администраторше в глаза, протянула ей уже свой паспорт. На вопросы отвечала машинально, сказала, что хотела бы посе-

литься здесь на месяц и заплатить сразу всю сумму (*кто знает, как дальше все сложится, а так хотя бы будет крыша над головой*).

Портье помог ей донести вещи, она заплатила ему десять рублей, подумав о том, что в ее городе такие чаевые могут позволить себе далеко не все.

Номер был двухкомнатный, с видом на шумную улицу. Она распахнула окно, в комнату хлынул прохладный и вместе с тем незнакомый ей воздух, замешанный на бензиновой гари и запахе каких-то химикатов. Но уже очень скоро она перестанет замечать эти оттенки запахов, и ей будет казаться, что за окном свежий воздух и река с лесом. Быть может, это случится оттого, что гостиничный номер станет для нее на какое-то время настоящим прибежищем и декорацией свободной жизни?

Марго около часа провела в ванной комнате, приводя себя в порядок. Пользуясь казенным мылом, шампунем и кремом, вытираясь казенными полотенцами и кутаясь в казенный халат, она тем не менее чувствовала себя среди этих чужих вещей куда комфортнее, чем в одежде умершей Инги. Решение купить одежду, и как можно скорее, пришло само и почти вытолкнуло ее из гостиницы на улицу.

Вечерняя Москва сияла огнями, казалась праздничной и одновременно чужой, как бы существующей независимо от людей, ее населяющих, а уж тем более приезжих. Таких, как Марго. Войдя в первый же магазин, она поразились ценам, ей показалось, что она попала на распродажу. И, только услышав краем уха разговор между продавцом и покупательницей, поняла, что цены проставлены в условных единицах, и немного успокоилась. У нее были деньги, хоть и чужие, а потому она заставила себя не думать о том, сколько стоят брюки, блузка и туфли. В конечном счете ее все равно арестуют и посадят, ей не сойдет с рук то, что она позволила себе в купе... Да и как теперь жить с этим?

Побродив по центру и заглянув еще в несколько магазинов, она поняла, что голодна. Купив в киоске карту города и сориентировавшись, быстро вышла на Пушкинскую площадь, зашла в «Макдоналдс», где перекусила пресными гамбургерами. Там же, разложив на столике карту (на обратной стороне, оказывается, была карта ближнего Подмосковья с маршрутами электричек), она без труда нашла Павелецкий вокзал и поставила крестик губной помадой на кружочке «Узуново». Затем пошла бродить дворами, разглядывая дома и подъезды, довольно четко, однако, представляя себе то, ради чего затеяла это опасное перемещение сквозь темные подворотни и зловещие, дурно пахнувшие переулки с шеренгами мусорных баков. И ей наконец повезло. Одиноким дворник, сидя на крыльце, задумчиво курил папиросу, глядя куда-то впереди себя. Марго сказала, что ей срочно нужна лопата. Дворник-флегматик только пожал плечами. Это надо было понимать: твои проблемы. «Я заплачу сто рублей, мне очень нужно... Привезли из Малайзии дерево редкой породы, надо срочно накопать земли». Она так никогда и не ответит на вопрос, при чем здесь Малайзия. *Звучит экзотично, должен клюнуть. К тому же сто рублей – это на два пузыря.*

«Стой здесь, сейчас принесу», – и ушел. Вернулся через десять минут. Лицо изменилось, темперамент тоже. Теперь она видела перед собой если не холерика, то крепкого сангвиника. В руках – лопата. Довольно приличная.

«Возвращать?» – спросила Марго, смутно веря в то, что когда-нибудь вернется в этот двор, да еще и с лопатой, на которой будет узуновская земля. «Добавь еще полтинник и можешь не возвращать», – благодетельствовал ее московский дворник и, спрятав в кармане широких штанов деньги, ухмыльнулся: «Мужа грохнула, теперь в клумбе будешь закапывать?» И,

не дожидаясь ее реакции – разговаривая сам с собой и по-стариковски размахивая руками, – быстро двинулся по направлению к арке. Оттуда рукой подать до гастронома...

В ближайшем хозяйственном магазине Марго купила большой фонарь с запасными батарейками, моток бечевки, три метра столовой клеенки, рулон скотча и две пары резиновых перчаток. Затем зашла в цветочную лавку, где купила торфяные горшочки для рассады, бутылку с раствором минеральных удобрений, и попросила все это сложить в большой прозрачный полиэтиленовый пакет.

Марго вышла на проезжую часть, нацепила очки Новак и остановила белые побитые «Жигули». Удивилась, когда за рулем увидела женщину средних лет. Злость в глазах, презрение ко всему, что движется. *Безработная, добывает средства на жизнь, калеча машину и свое здоровье.*

– Вы не подвезете меня до Узунова, на дачу? Мне срочно, я хорошо заплачу.

– Сколько? – Взгляд исподлобья, глаза – ледяные, светлые, как у рыбы.

– Сколько скажете. – Она боялась упустить эту женщину. *Все же не мужчина, не изнасилует, не ограбит и не прибьет по дороге.*

– Пятьсот устроит?

– Устроит.

– Садитесь.

И старенькие «Жигули» довольно резво припустили по розовой от фонарей дороге, запетляли по узким улочкам старого города, пока не вырвались наконец на Кольцевую, а оттуда в сторону Домодедова, Барыбина...

Она нарочно села рядом с водительским местом и устроила на коленях пакет с торфяными горшочками и бутылкой, чтобы ее принадлежность к садоводческому племени выглядела в глазах сидящей за рулем женщины более убедительной.

К счастью, та оказалась не из болтливых. Она молча вела автомобиль, уверенно давя на газ и осмеливаясь, ловко маневрируя, обгонять японские «Тойоты» и французские «Рено». Иногда, правда, словно опомнившись и понимая, что рискует, сбавляла ход, и при этом лицо ее становилось отрешенным, как у человека, который в очередной раз понял свое место в жизни, не говоря уже об автостраде.

В багажнике автомобиля, издавая шершаво-железистые звуки, билась о металлическую канистру, полную бензина, лопата. Ей предстояло коснуться земли, чтобы превратить ее в могилу Инги Новак.

* * *

Марго всю дорогу думала о том, что не принадлежала себе в том купе, когда дьявол подсказал ей гнуснейшую мысль – избавиться от мертвого тела. В прежней, нормальной жизни ей бы и в голову такое не могло прийти. Она упорно спрашивала себя, совершила ли она преступление, вытолкнув тело Новак из поезда? О причине смерти она не хотела даже думать – уж убийством это никак не назовешь. Остается предполагать одно – естественную смерть. Хотя в двадцать три года назвать смерть явлением естественным язык не поворачивался. Ее могли убить – отравить, проколоть сердце спицей или заставить его остановиться электрическим разрядом в тот недолгий момент, что Марго спала. Но сон ее был краток, да и купе было заперто на специальную щеколду, которую можно было отпереть только изнутри. Может, Инга выходила из купе в туалет или чтобы с кем-то встретиться? Но тогда она хотя бы словом обмолвилась о том, что едет в поезде с кем-то, кто находится в другом вагоне или купе. Нет, она умерла своей смертью. И эти разговоры о винограде, который полезен для сердца, как и красное вино.

То, что тело девушки надо предать земле, не подлежало обсуждению даже внутри себя. Ее надо было похоронить в незаметном месте, но с тем, чтобы эту могилу можно было быстро в нужный момент отыскать. И захоронение должно быть временное. Труп она обернет клеенкой, залепит скотчем и уложит в неглубокую яму, после чего присыплет землей и каким-то образом пометит место. А позже, но уже в самое ближайшее время Марго начнет поиски ее родных, чтобы сообщить им о смерти Инги. Но вот каким образом она покажет могилу, она и представления не имела. Звонок, возвещающий о смерти близкого человека, произведет эффект взорвавшейся бомбы. И чтобы впоследствии не быть втянутой во все это, необходимо таким образом похоронить тело, чтобы его могли найти, пользуясь точной и краткой информацией, полученной родственниками Инги по телефону. Значит, неплохо было бы найти некую точку отсчета, ориентир, при помощи которого можно было бы провести прямую линию, отсчитав определенное количество шагов. Больше в голову ничего не приходило.

– Мне к железнодорожной станции, наши участки располагаются прямо за насыпью, – говорила Марго, глядя впереди себя на прыгающие оранжевые пятна света от фар, когда машина запрыгала по ухабам. – А там меня встретят...

И спустя несколько минут, когда показались огни семафоров и в машине запахло железной дорогой, она вдруг сказала: «Все, это здесь... Вон и Николай...» По дороге, ведущей к рельсам, действительно кто-то шел.

Расплачиваясь, она старалась не смотреть на смертельно уставшую и еще более обозленную женщину. Она чувствовала, что стоит ей расслабиться и проронить хоть слово, как тотчас в ответ последует какая-нибудь грубость. Кроме того, ей надо было как можно быстрее скрыться в темноте. И она чуть было не рванула прочь от машины, но тут услышала за спиной: «Эй, а лопата? На кой х... она мне нужна?»

Марго на ватных ногах обошла машину и, подождав, пока не откроют багажник, приняла из рук женщины лопату. «Спасибо. Коля-а!» – и она побежала навстречу идущему мужчине. Но не так быстро, как могла бы, – ей надо было, чтобы машина отъехала на приличное расстояние и чтобы немая сцена (*девушка, а вы, собственно, кто?*) произошла уже после того, как исчезнет последний свидетель.

– Ну я Коля, дальше что? – услышала она голос из темноты. – А ты кто?

Она шарахнулась в сторону, пробормотав «извините, я ошиблась», и что есть силы понеслась к освещенной платформе. Там, рухнув на одну из скамеек, перевела дух. Огляделась. Ей предстояло теперь найти тело.

* * *

И только здесь, пройдя примерно километр ниже насыпи и чувствуя себя оглушенной тишиной, нависшей над ее головой, как и раскинувшееся черное, в звездах, небо, она поняла, что горячка прошла. Что голова остыла, как и чувства. *Разве можно ночью в незнакомом месте что-нибудь найти, даже такое объемное, как труп двадцатитрехлетней девушки? Нет, нельзя. И где же это, голубушка, были твои мозги, когда ты останавливала машину? Спала бы сейчас себе спокойненько в кровати и посапывала во сне, мечтая о новой, наполненной радужными планами жизни.*

Она выбралась на небольшую опушку и, пугаясь лесных шорохов, подыскала себе довольно мягкое от хвои место для ночлега. Пригодилась и клеенка, и даже лопата, на которую она уложила пакет с торфяными горшочками. И пусть ее сон был тревожным и она довольно

часто просыпалась от грохота проносившихся мимо поездов, все равно на рассвете она почувствовала себя много лучше. Разве что было холодно...

Она мысленно прикидывала, сколько времени прошло с того момента, как она скинула тело Инги Новак с поезда, и до полной остановки поезда. Сопоставив приблизительную скорость, с которой он подъезжал к станции, и умножая это на время, она получала путь в километрах.

Закрыв глаза и вдыхая всей грудью влажный хвойный запах (вдоль насыпи росли ели, а дальше от рельсов, в низине, поблескивало маленькое озерцо или большая лужа), она представила себя в кабинете математики. Стоять у доски она никогда не любила, ей казалось, что все, весь класс, видят ее худенькие ножки, едва прикрытые юбкой-гофре, слишком длинную шею, которую ей всегда почему-то хотелось втянуть в плечи. Учительница математики Вера Александровна, спокойная и умная женщина в вечном темно-синем трикотажном костюме и коричневых туфлях-лодочках, просит начертить на доске путь между двумя пунктами и вычислить его. Марго все делает машинально, дрожа всем своим худеньким телом и думая о том, что то, чем они занимаются, вообще никому и никогда не понадобится – машинист и сам знает, сколько километров от пункта А до пункта Б! Мелок летит из ее рук на пол и раскалывается на две части. Все смеются. Всем смешно. А ей хочется исчезнуть вместе с доской, поездами-скоростями, раствориться в воздухе, НЕ БЫТЬ. *Ваша девочка способная, но уж больно зажата. Как выйдет к доске, так сразу же и теряется. А ведь в тетрадках у нее полный порядок. Это правда, что вы собираетесь выйти замуж? Вы уверены, что на Рите это не отразится? Вы, как мать, должны учитывать ее сложный подростковый возраст. И что это за человек? Он младше вас?*

Но мама так и не вышла за него замуж. Заболела. Марго взяли к себе какие-то родственники, она даже лиц их не запомнила. В памяти осталась лишь большая комната, в самом центре – стол, а на нем гроб, в котором мама, помолодевшая, похудевшая, как девочка с красиво уложенными вокруг желтоватого лица волосами. *Слышали? Они Риту в интернат собираются определить. Вот увидишь, они эту квартиру сдавать будут, а девочка на всем казенном... Что за народ пошел? А кто вон тот мужчина? Тот самый? Из Москвы? Молодой, ему Риту не отдадут...*

Страх настиг ее в тот момент, когда она увидела белеющий предмет в голубоватой тени плотно стоящих елей. И если кто из пассажиров, стоящих у окна, смог разглядеть человеческое тело, подумала она тогда, то все равно сюда приедут не раньше сегодняшнего полудня. Да и вряд ли кому придет в голову звонить в милицию или сообщать проводнице об увиденном. Это могли быть белая бумага, мешок из рисовой соломки, набитый мусором и сброшенный с поезда...

Колени ее подкосились, когда она увидела белое, в налипшей грязи и пыли обнаженное тело своей попутчицы, налетевшее, по всей вероятности, на преграду – толстый ствол ели, да там и остановившееся, полусогнутое, со страшными рваными ранами и ссадинами – словно по коже водили наждачной бумагой или редкой металлической расческой с острыми зубьями. На большой скорости, переворачиваясь, это тело летело с насыпи, ломаясь и разрушаясь, как выброшенная из окна кукла.

Марго, дрожа от страха, утянула за руки ставшее как будто еще тоньше и длиннее тело подальше, в гущу деревьев – она уже слышала гул приближающегося поезда. Никто не должен увидеть их вместе. Затем вернулась за лопатой и, надев резиновые перчатки (они оказались велики, и кончики пальцев надулись от образовавшегося там воздуха, что сильно мешало движению), принялась копать землю там же, где и стояла. Труп, чтобы не видеть, она прикрыла

клеенкой. Она копала долго, с перерывами, во время которых уходила подальше от крепкого духа свежеразрытой земли, саднящего горло запаха новой клеенки и, как ей казалось, самого трупа... Спину ломило, голова раскалывалась, а яма была слишком мелкой... Она копала, обливаясь потом и чувствуя, как горят ладони. Потом ее неожиданно стошнило. Затем – еще. И все же ей предстояло самое тяжелое – завернуть труп в клеенку и залепить скотчем.

Она проделала это в панике, совершая множество ошибок (первый раз она обернула тело клеенкой, сложенной вчетверо, словно кто-то подталкивал ее и торопил: быстрее, быстрее), но в конце концов ей удалось превратить тело Инги Новак в плотный белый кокон, обмотанный скотчем. Она уложила его в яму, присыпала землей и, выпрямившись во весь рост, огляделась. Тишина, покой, умиротворение. Но все это для кого-то, но не для нее. И не для Инги. Она воткнула лопату в землю и, упаковав перчатки, торфяные горшки и бутылку с удобрением в пакет, сделала несколько шагов к насыпи (*раз, два, три... двадцать восемь*), затем повернулась налево и, устремив взгляд на едва заметную светлую точку – станционные строения, – снова начала отсчет. Она знала, что, если не собьется и досчитает до самого конца, то позже, уже в гостинице, измерит шаг и умножит на их количество, выяснив таким образом путь. *Снова путь.*

Вечером, в гостинице, купив по дороге сантиметр, она будет знать, что от шлагбаума до поворота к лесу ровно пять километров и двести пятьдесят два метра, дальше – под прямым углом – еще двадцать восемь шагов. И лопата – пока что вместо креста.

* * *

Когда она открыла глаза, ей показалось, что она в спальне, в интернате. Единственная из всех двенадцати девочек, оставшихся здесь, – ей некуда было поехать на каникулы. Такая же тишина, такие же казенные запахи. Сейчас откроется дверь, и она увидит воспитательницу Ирину Григорьевну, которая скажет: «Ритуля, тебя к телефону». Это в обычных, нормальных семьях подобная фраза бы не удивила: мало ли кто может позвонить. Здесь же, в городе с пышным немецким названием Баронск, Марго не мог позвонить никто. Разве что кто-нибудь из девчонок, решивших из дома поздравить подружку с наступающим Новым годом. Но ведь они же только что уехали и полны радостных, предпраздничных забот. И если они и вспомнят о Рите, то не скоро.

От Ирины Григорьевны пахнет молоком и булочками – она только что из кухни, где ужинала. Теперь очередь Марго. А тут еще этот звонок.

Она накинула халат и бегом спустилась на первый этаж, схватила трубку.

– Кто это? – Не приученная разговаривать по телефону, она даже не поздоровалась – настолько была заинтригована этим поздним звонком.

– Рита? Здравствуй. Ты меня не знаешь. Я друг Владимира Николаевича, ты, наверное, помнишь его. Вы с мамой приезжали к нему в Москву.

Марго почувствовала, как волосы зашевелились на ее голове: смутные обрывки воспоминаний, фрагменты московских поездок на метро, чай с лимоном и тортом в теплой комнате, кулечек засахаренных орехов... Его звали дядя Володя. Как же все это было давно. Когда была жива мама.

– Да, я помню. И что же?

– Он прислал тебе посылку. Я позвонил, чтобы убедиться, что ты здесь и никуда не уехала. Через сорок минут, в крайнем случае через час, я приеду и отдам ее тебе. Здесь еще письмо.

Слезы мешали ей говорить. Она что-то буркнула в ответ. Мол, да, приезжайте. Положила трубку. «Родственники?» – участливо и ласково спросила Ирина Григорьевна. «Мамин друг, –

сказала она, всхлипнув, – хочет мне через своего знакомого передать посылку». – «Ты знаешь маминого друга?» – «Я видела его несколько раз, и все. Но он хороший, я знаю, иначе мама бы к нему не ездила. Они должны были пожениться. Еще он хотел удочерить меня, но он младше мамы на десять лет. Ему не разрешили». – «И ты больше не видела его?» – «Нет, мы потерялись. Вернее, те, кто меня привез сюда, хотели, чтобы мы потерялись. Но ведь он мне все равно не отец. Зачем я ему?»

Она никогда еще и никому не говорила о нем. А вот Ирине Григорьевне, которую очень любила и жалела (у нее сын погиб в Чечне), рассказала. Неожиданно, как если бы пришло время.

Марго села и опустила ноги на пол. Закрыла глаза. Ей показалось, что она видит эту большую картонную коробку, набитую орехами и сладостями. На самом верху – конверт. В нем письмо. *Дорогая Рита. Ты, наверное, меня уже не помнишь. Мы с твоей мамой были друзьями. Поздравляю тебя с наступающим Новым годом. Мне трудно представить, какая ты стала, но я очень хотел бы тебя увидеть. Напиши мне, пожалуйста, письмо. Адрес на конверте. Ты же скоро заканчиваешь школу, я мог бы тебе чем-нибудь помочь. Если будет возможность, позвони мне. Владимир Николаевич Лютов.*

Это был царский подарок. Таким представлялись в ту пору Марго настоящие шоколадные конфеты, печенье, орехи, чернослив в белой сливочной оболочке...

Она открыла глаза. Лютов. Это был единственный человек во всей Москве, которого она знала. И хотя они лишь изредка переписывались, и Владимир Николаевич так ни разу к ней и не приехал, она чувствовала, что стоит ей позвонить, как он откликнется, согласится встретиться. А что дальше? Она всегда задавала себе этот вопрос и не находила ответа. Ни-че-го. Обычный вежливый в такой ситуации и никого ни к чему не обязывающий разговор, и никакого продолжения. У него своя жизнь, у нее, взрослой дочери его любовницы, – своя. Стоило ей только покинуть интернатские стены, как большая и неизвестная жизнь обрушилась на ее хрупкие плечи. Курсы парикмахеров, работа на окраине города в захудалой, не приносящей прибыли парикмахерской; общежитие на другом конце города, куда она возвращалась полумертвая от усталости (перед глазами продолжали мелькать головы, волосы, дрожащий горячий фен, деревянные палочки, а руки пекло от химикатов) и где не могла толком помыться, потому что душ не работал...

Она ставила ведро с водой на пол, опускала туда большой кипятильник и долго ждала, пока вода нагреется. Затем мылась в тазу на глазах трех своих соседок по комнате (две из них были из ее интерната, они так и не устроились на работу и зарабатывали себе проституцией), ужинала жареной картошкой, пила чай и ложилась спать. И так каждый день. Пока в ее жизни не появился первый мужчина. Его звали Юрий. Он держал несколько торговых точек на рынке, был добрым, снял для Марго комнату и заботился о ней, покупал ей теплую одежду, давал деньги на противозачаточные таблетки, приносил еду и как мог любил ее. Но он исчез, говорили, что его убили за долги. Вскоре Марго встретила Вадима. Началась совершенно другая жизнь. Она узнала, что такое пощечины, унижение, но в то же время – большие и шальные деньги, уплывающие из рук, как скользкие холодные рыбины... Она очень поздно поняла, что Вадим не в себе, что у него что-то с головой. И что до карт он всерьез увлекался шахматами.

Ты же скоро заканчиваешь школу, и я бы мог тебе чем-нибудь помочь ...

Но после школы она не отправила в Москву ни строчки – ее пугала встреча с неизвестным человеком, с мужчиной. К тому же она боялась Вадима. Знала, что, стоит ей заговорить о поездке в Москву, он изобьет ее, назовет неблагодарной тварью...

И вот теперь она в Москве. Ей девятнадцать лет, никакого образования (не считая курсов парикмахеров), а теперь еще и преступление... Как дальше жить? Что делать? Искать родных Инги Новак, чтобы сообщить им, где находится ее тело? Тело, которое пока еще не разложилось... Но если она не поторопится, то не успеет проделать то, ради чего и пошла на весь этот кошмар. В ее планы входило побывать на квартире Инги, выяснить, кто она и чем занималась, откуда у нее столько денег и, главное, сможет ли она, Марго, пользуясь ее документами, продать ее квартиру, с тем чтобы на эти деньги купить себе хотя бы угол в Москве. А на оставшиеся от продажи деньги получить профессию и начать новую жизнь. Без жилья ей в Москве делать нечего. Был еще вариант – найти Владимира Николаевича и попроситься пожить у него, пока она не устроится на работу. А вдруг он ей действительно поможет? Второй вариант был безопаснее и спокойнее. Но к нему она еще успеет вернуться. Сначала надо навести справки об этой Новак... Но все это завтра, завтра. А сейчас надо постараться уснуть. *Когда тебе очень плохо, дочка, надо вспомнить все только самое хорошее, что было у тебя в жизни. Например, свой день рождения или поездку на море. Затем закрыть глаза, расслабиться и попытаться представить себе, как тыходишь в теплую прозрачную воду, как бросаешься в море и плывешь... Мне это всегда помогает...*

Утром поездка в Узуново показалась ей дурным сном. И хотя она в этом своем сне копала землю до ломоты в суставах, тащила ставшее невероятно тяжелым мертвое тело (она только сейчас вдруг поняла, что Инга Новак была при жизни некрасивой: белесые волосы, длинный утиный нос и больше розовые уши), все равно это не могло быть реальной жизнью. Самое подлое, на что она была способна, – это бросить Вадима. Все. Но чтобы так надругаться над покойницей? Разве что в нее вселился сам дьявол... Нет! *Ну, как же нет, если все это было в реальности, милая. И то, как ты обворовала мертвую соседку по купе, и то, как ты сбросила ее с поезда! И нечего прикидываться, Марго, ты – преступница и теперь не имеешь права спать в этой чистой постели и обедать в гостиничном ресторане. Тебе уготована участь посудомойщицы в какой-нибудь захудалой забегаловке, и это, пожалуй, лучшее из всего, что только можно придумать в твоей ситуации. Или же – самое мягкое наказание, если не формула всей жизни.*

Внутри ее поселилось чудовище – предатель, пожирающий ее сернокислой правдой. И имя ему – совесть.

Марго долго стояла под душем, смывая с себя сон, страхи и дурные мысли: пошли все прочь, дайте мне хотя бы один день...

Ее действительно впереди ждал ослепительный солнечный большой летний день. И она успеет вкусить всю его сладость и вседозволенность сполна.

Замотавшись в полотенце, она распахнула окно и осмотрела большую и чистую комнату. Она имеет право некоторое время пожить здесь, но потом надо будет принимать какое-то решение – либо возвращаться в Баронск и валяться в ногах у Гамлета, чтобы он пристроил ее в каком-нибудь своем казино, словом, дал работу. Потому что к Вадиму она уже не вернется – это решено. Либо успеть зацепиться за что-нибудь здесь, в Москве, в этом гигантском, равнодушном к чужим проблемам мегаполисе. Она отгоняла от себя мысли о Новак. О ней у нее еще будет время подумать.

В ресторане она заказала скромную яичницу, кашу и лимонный сок. Затем снова поднялась в свой номер, еще раз взглянула на себя в зеркало и, оставшись вполне довольной, положила в сумочку два паспорта – свой и Инги Новак – и вышла из гостиницы.

Солнце превратило Москву, еще вчера казавшуюся ей такой мрачной, в сверкающий промытыми витринами и открытый раскинувшимся над головой сияющему небу город: роскош-

ные вывески; тающие на лету иностранные слова – гортанное и грассирующее «г», бульдожье рывканье, напоминающее занудные английские учебные тексты с пластинок, живой, торопливый итальянский говор... Но самое главное, это был не Баронск, где тебя все знают, а город, где всем на тебя глубоко наплевать. Все куда-то спешат (у многих Марго заметила в ушах похожие на слуховые аппараты наушники от плееров), курят на ходу, держа в одной руке сигарету, а в другой – бутылку или банку с пивом (это же относится и к женщинам). Словом, радуются жизни и ведут себя так, как хотят. Некоторые, к примеру нищие, спят, развалясь в метро, и видят сладкие сны – полные шапки рублей и долларов, да в придачу еще и тарелку горячего супа. *А вот мне сегодня ничего не приснилось.*

Присев на успевшую прогреться на солнышке скамейку в двух шагах от памятника Пушкину, Марго развернула на коленях карту и поняла, что находится на Пушкинской площади, справа от которой, если стоять спиной к кинотеатру «Россия», находится ресторан «Макдоналдс», а слева, если немного пройти, – Елисеевский магазин. Значит, если ей, не спускаясь в метро, пройти, никуда не сворачивая, по Страстному бульвару, пересечь Петровку и выйти на Петровский бульвар, то там рукой подать до улицы Рождественки, где и живет *(жила, черт бы меня побрал!)* Инга Новак. Марго купила мороженое и не спеша двинулась к Страстному. План, который она успела придумать за то время, как она проснулась, состоял в следующем: она находит квартиру Инги, звонит несколько раз, стараясь, однако, не привлекать внимания соседей, которые могут запомнить ее в лицо, и позже, когда всплывет вся история смерти Новак, это сыграет против Марго. Если дверь откроют *(а это может сделать кто угодно, кроме самой Инги, поэтому мне нечего бояться)*, она скажет, что у нее поручение... *Какое, к чертям, поручение, если Инги уже хватились, и любое лицо, имеющее даже косвенное отношение к ее персоне, уже будет на подозрении. Начнутся расспросы: что за поручение, кто послал и что нужно?*

Значит, версия с поручением отменяется. Но что тогда? Кто может прийти по конкретному адресу и, главное, зачем? И тут она вспомнила про Владимира Николаевича. Лютов – вот кто ей поможет. Она решила подстраховаться и даже вписала в свою записную книжку адрес Новак на тот случай, если сидящие в засаде на квартире Новак милиционеры не поверят ей, что она искала по этому адресу Лютова, и начнут наводить справки. И пусть. Она приехала в Москву вчера... Стоп. А где доказательства? И что, если ее схватят за шкирку, как котенка, точнее, как бесправного жителя провинции (она слышала, что таких вот, как она, приезжих, которые задержались в Москве больше чем на три дня, забирают в отделение, мол, почему нет регистрации)? Билета-то железнодорожного у нее нет! Скажет, что потеряла. Хотя вряд ли, решила она, там, в перегруженной работой милиции, кто-то заинтересуется этим. Для проверки этого нужно делать запрос в управление железной дороги, а это лишние хлопоты. И Марго чисто внешне не походит на «преступный элемент», она хорошо одета, выглядит вполне культурно и пристойно, несмотря на то, что приехала из такого захолустья, как Баронск. А уж если им так приспичит навести о ней справки, так они сами выйдут на Лютова, и он с радостью расскажет им о Марго только самое хорошее... При воспоминании о Лютове ей стало нехорошо на душе. Его образ ассоциировался у нее с мамой, маминой смертью, с тупиком. А ведь она приехала в Москву как раз для того, чтобы выкарабкаться из этого проклятого тупика, куда загнала ее жизнь. *Или же моя собственная глупость?*

Итак, у нее есть еще два с половиной дня, чтобы спокойно передвигаться по Москве. И она пошла дальше, в качающиеся тени больших деревьев бульвара, вдыхая полной грудью новый для нее воздух, новую жизнь. Она уже придумала, что скажет, если дверь ей все же кто-нибудь да откроет.

* * *

Но дверь ей никто не открыл, хотя она стояла перед ней уже больше получаса. Вернее, она время от времени спускалась вниз, к почтовым ящикам, чтобы соседи не видели, насколько ей не терпится, чтобы ей открыли. На лестничной клетке было четыре квартиры – две в одной стороне и две в другой. Двери обращены друг к другу, и даже в «глазок» проблематично увидеть стоящую на другом конце лестничной клетки Марго. Только один «глазок» направлен прямо ей в затылок. Было одно обстоятельство, которое несколько успокаивало ее, – это забитый до отказа почтовый ящик. Интересно, чем? И тогда Марго набралась храбрости и, убедившись, выглянув из подъезда, что вокруг ни души, достала ключи от квартиры Инги и, без труда определив, какой из них от замочка почтового ящика, открыла его. И тут же к ее ногам упало несколько квитанций на оплату телефона, почтовых переводов и даже телеграмм! Собрав их быстро, она отошла к окну и внимательно их просмотрела. Оказывается, это были никакие не телеграммы и тем более не почтовые денежные переводы – обычные, только оформленные под типовые бланки, рекламные проспекты.

Марго хотела, конечно, попытаться проникнуть в квартиру прямо сейчас, но здравый смысл взял верх, и она заставила себя выйти из подъезда. *Я вернусь сюда поздно вечером. И если окна будут темные, и на звонки никто не ответит, воспользуюсь ключами. А уж там будь что будет.*

* * *

В гостиницу она вернулась после утомительного похода по магазинам. Марго приоделась, купила себе кое-что из косметики и гигиенических принадлежностей, маленький торт, пакетики со сладким одноразовым кофе и, едва передвигая ноги, поднялась к себе в номер. После многочисленных пирожков и пиццы, которыми она перекусывала в крошечных кафе и фургончиках с горячей выпечкой, обедать уже не хотелось. Она попросила дежурную принести ей кипяточку и устроила себе роскошный десерт. Когда она жила с Вадимом, даже сладости, которые она любила, не приносили ей такого удовольствия, какое она получала сейчас здесь, в тихом гостиничном номере. Хотя этот маленький торт она охотно разделила бы с тем же Владимиром Николаевичем или просто случайный знакомым. Но она была одна. Совершенно одна. В постели, где она решила хорошенько выспаться перед ночным походом, Марго досмотрела по телевизору какой-то смешной фильм (неуклюжий светловолосый верзила, убегающий от преследователей, попал ногой в унитаз и носился в таком виде по стройке, после чего все-таки его подстрелили, но не насмерть – таково правило комедии) и вскоре уснула. И в этот раз ей ничего не приснилось.

А в десять часов вечера, умывшись холодной водой и надев удобную одежду и обувь (*чтобы проще было убежать?*), с фонариком (точнее, большим дорожным фонарем) в сумке и ключами вышла из гостиницы. Она уже знала, как ей покороче добраться до Рождественки.

Все-таки я ночной человек, думала она, лоя себя на мысли о том, что находиться в темноте ей куда приятнее и что чувствует она себя ночью гораздо увереннее, словно по ошибке родилась человеком – должна была родиться хотя бы кошкой, если не настоящим хищником вроде пантеры или ягуара. Но все эти мысли как ветром сдуло, когда она поднялась на ярко освещенную лестничную клетку и замерла перед дверью, обитой ярко-рыжим дерматином. То, что в квартире никого нет, она определила по темным окнам. А что, если она ошиблась – вдруг квартира настолько большая, что состоит из двух слитых квартир, и тогда соседние окна могут принадлежать Инге Новак... Что тогда? Навряд ли. Все-таки это центр Москвы, квартиры эти,

если судить по тем же газетам, которые она успела просмотреть в гостинице, стоят немалых денег. А Инга совсем молодая... Разве что эта большая квартира принадлежит ее родителям?

Она дотронулась до кнопки звонка. Затем еще раз и еще... Нет, ей никто не собирался открывать. И тогда она, достав из сумки приготовленный заранее кусок затушеванного помидорной скотча, быстро залепила соседский «глазок» и бросилась на лестницу, вниз, чтобы проверить реакцию соседей, которые могли подглядывать за ней. Но прошло несколько минут – и ничего не случилось. Только наверху сработали дверцы лифта, и снова стало тихо, как в гробу. *(А может, в гробу и не так уж тихо, как это себе представляют люди. Там же целая подземная жизнь с насекомыми, отвратительными и жирными, питающимися разложившимися трупами... Может, слышно, как они чавкают?)*

Ее чуть не стошнило от собственных мыслей. Но она знала источник подобного мозгового «вдохновения» – внутри ее жила Инга Новак, квартиру которой она почти уже открыла трясущимися руками. А замков-то! Все, последний щелчок, одна дверь открыта. А здесь еще одна, внутренняя, металлическая, бронированная. И только один замок – четыре щеколды в разные стороны держат эту махину, – четыре поворота массивного ключа, и дверь распахнулась сама, словно только и ждала, чтобы ее отперли.

Марго стояла в темной прихожей и принюхивалась. Ни запаха еды, ни мыла, ни плесени или грязного мусорного ведра (видать, перед отъездом эта курортница привела все в порядок), хотя все равно пахнет чем-то специфическим, мама бы назвала это запахом новой жизни. *(Мы передем в Москву, к дяде Володе, и у тебя, малышка, будет своя комната. Там мы устроим уголок, куда ты поставишь кроватку для своей куклы, а рядом будет стоять твоя новая кровать. А еще у тебя будет новый письменный стол и полка для книг. Вот увидишь, тебе понравится. А к дяде Володе ты привыкнешь, он – хороший человек...)* Посветив себе фонарем, она увидела длинный коридор с дверями по бокам, одна из них была открыта и вела, судя по всему, на кухню. Прошла вглубь и остановилась у окна. Отлично. Вид из окна был потрясающий – глухая стена соседнего дома. Лучше и не придумать для кухни, с которой она и намеревалась начать осмотр квартиры. И только теперь, когда все вокруг было залито светом, она поняла, почему память, эта щепетильная и весьма избирательная дама, подсунула ей тревожащий душу ночной разговор с мамой незадолго до отъезда в Москву, отъезда, который не состоялся из-за ее смерти: в квартире пахло новой мебелью, сладкой сухой древесиной и опилками, такой запах обычно стоит в столярных мастерских, мебельных магазинах, где новая мебель. Новая мебель, новая жизнь. Инга Новак, судя по роскоши, с которой была обставлена кухня, умирать не собиралась. Больше того, она только начинала жить, по-настоящему, с размахом...

Марго быстрым шагом вышла из кухни и двинулась по коридору. Комната, точнее кабинет. Тускло блеснуло золото на огромном письменном столе – какая-то дорогая статуэтка. Залоснились, переливаясь, спинки и валики кожаных дивана и кресел. Промелькнули разноцветные кнопки какой-то аппаратуры, малиновые занавеси. Еще комната, спальня, почему-то вся зеленая, даже мебель изумрудного цвета. Марго улыбнулась – как же все это было похоже на сон. Ей даже пришлось ущипнуть себя. Еще одна комната – пустая, если не считать толстого (цветной восточный орнамент, белые густые кисти по периметру) ковра. Она вернулась на кухню, открыла холодильник. Одни йогурты, овсяные и кукурузные хлебцы в пластике, консервы, а в морозилке – мороженое, фрукты, зелень.

В прихожей тоже можно было без опаски включать свет. Она увидела встроенный большой, до потолка шкаф, в котором, помимо одежды, на верхних полках она увидела теннисные ракетки, два мяча – футбольный и волейбольный, стопку спортивных маек, фирменных носков и две пары кроссовок. Недурственно для особы с больным сердцем. «Хотя, – подумала Марго, – с чего это я взяла, что у нее больное сердце? Потому что она ела виноград и приговаривала, как

он полезен? Возможно, она всего лишь повторяла сказанную кем-то на юге (любовником ли, продавцом ли вина или винограда) эту расхожую фразу. И никаких проблем с сердцем у нее не было, поскольку шкаф ломится от спортивных вещей, причем явно женских». Что касается мужчин, то Марго не сомневалась – Инга жила одна. Ни одной детали, указывающей на то, что здесь жил мужчина, не было. Даже в ванной, куда она заглянула в последнюю очередь, на полочке она увидела лишь женские лосьоны, кремы и шампуни. Не было также и мужского халата или хотя бы домашних мужских тапочек. А если Инга и встречалась с мужчиной, то предпочитала делать это на нейтральной территории. Уж хотя бы пена для бритья или станок того мужчины, с которым она пусть даже время от времени встречается (*встречалась*), должен же где-то быть...

Марго довольно много времени провела в кабинете, проверяя ящики письменного стола. Плотно задернув шторы, она рискнула все же включить настольную лампу и разложила перед собой папки с бумагами, из которых узнала много интересного. Получалось, что эту квартиру на Рождественке Инга купила совсем недавно, буквально полгода тому назад. Приблизительно в то же самое время была куплена и машина «Тойота», судя по документам, вместе с гаражом – фамилия продавца была одна и та же. Здесь же в одном из ящиков Марго нашла и два ключа от машины и еще тяжелую связку – гаражный комплект. Кооператив «Радон», номер блока 27. Отлично. Что касается водительского удостоверения, то оно до сих пор лежало в сумке Инги, в гостинице. Если разыскать этот чертов «Радон» (тем более что в документах на гараж имелся штамп с адресом и телефоном), то можно будет, вспомнив уроки вождения, которые ей в свое время преподавал Юра (совмещая эти уроки с голым сексом), покататься...

Было еще много документов, смысл которых Марго улавливала лишь интуитивно – все они были составлены на немецком языке, в них шла речь об автомобилях или запасных частях к ним. В самом конце этих документов были проставлены подписи: два лица, оба, судя по латинским буквам, имеют общий корень «директ». Пусть будут директора, решила про себя Марго и очень скоро потеряла интерес к этой (она не сразу поняла) ксерокопии. Были еще какие-то бумаги, уже на русском языке, связанные с банковскими делами: там почти на каждой странице встречались такие слова, как «кредит», «заем», а уж цифры были настолько нереальны, что она сочла это за фрагменты толстых банковских разработок или инструкций.

Попались ей на глаза и два небольших фотоальбома, и везде, на каждом снимке Инга собственной персоной. Вот она в белых шортах, кофточке и стильной кепке, в белых носочках на теннисном корте с ракеткой в руке. Инга в кафе, перед ней блюдо с персиками. Инга в лесу с грибной корзиной. Инга на пикнике: клетчатый красный плед на изумрудно-зеленой траве, на нем закуска, большое блюдо с румяным аппетитным шашлыком, бутылки, стаканы и легкий дымок (где-то совсем рядом костер) над невидимым людом... А за спинами, вдалеке типично русский пейзаж с церковными куполами – золотыми луковицами.

Странно, но, кроме Инги, на снимках всего лишь раз встречается девушка, некрасивая, худенькая, опухшая от жестоких комариных укусов (крупный план), на обороте надпись: «Инге от Марины».

Марго была разочарована осмотром. У этой квартиры не было ни лица, ни специфического родного запаха, ничего, разве что неплохо подобранная в дизайнерском смысле мебель да ковры с гобеленами и шторами. Нехорошая мысль посетила Марго: если вклеить собственную фотокарточку в Ингин паспорт, она без труда продаст эту квартиру. Но это может сделать лишь профессионал, а водятся такие персонажи (об этом она знала из своей многострадальной жизни с Вадимом) среди бывших зэков. А Москва ими просто кишит. *Какая же ты сволочь, Марго! И что за мысли лезут тебе в голову? Хотя, собственно, свою преступную суть ты уже успела проявить еще там, в поезде... Остановись, пока не поздно.*

Она вышла из квартиры, прихватив с собой лишь документы на машину и гараж, да еще ключи. Вернулась в гостиницу, и руки сами набрали номер Лютова.

– Да, – услышала она совсем рядом, как если бы он находился в соседней комнате, – слушаю.

Голос молодого мужчины. Видимо, у него поменялся номер.

– Мне Лютова... Владимира Николаевича.

– Да, я слушаю, кто это?

– Это я... – Она не знала, как ей ответить. Сказать, что ему звонит Рита из Баронска, прозвучало бы глупо. Хотя само слово «Баронск» резануло бы его, Лютова, по ушам. Он вспомнил бы Наташу Троицкую и ее маленькую дочку. – Вы меня, наверное, уже не помните...

– Мне знаком ваш голос. Я мог бы произнести имя той женщины, которую вы мне напомнили, но боюсь ошибиться и испугать вас...

– Говорите. Думаю, что вы не ошибетесь...

– Вы дочка Наташи Троицкой? Рита?

Она с трудом оправилась от услышанного. А все говорили, что мать ей ничего не оставила. А внешность? А характер? А голос? Вот только жаль, ее доброе сердце не перешло Марго по наследству, и подлость натуры и пороки достались ей наверняка от неизвестного ей отца.

– Да, это я, – сказала она, и слезы горячим потоком хлынули из глаз. Она была благодарна Лютову за то, что он узнал ее и что ей не пришлось униженным тоном объяснять ему, кто она.

– Рита, ты где? – Он сразу же перешел на деловой тон. – Ты в Москве?

– Да.

– Мы можем встретиться?

– Да. Но сейчас уже поздно...

– Ничего, я подъеду, у меня машина.

– Я в гостинице...

Глава 2

Она встречала его в холле гостиницы. И когда он вошел в стеклянные двери – узнала сразу. Он почти не изменился. Высокий, худощавый, в костюме и светлой рубашке. Ботинки вычищены (*он женат, есть кому чистить башмаки и стирать рубашки, он нашел замену маме*), но галстука нет. И нет, слава богу, той торжественности и мелодраматичности во взгляде, которые она терпеть не может. Он тоже сразу узнал ее. Подошел совсем близко и заглянул а глаза:

– Невероятно, просто невероятно... Если бы я не знал, что ты ее дочь, то расцеловал бы тебя, как ее... Надеюсь, ты не сердишься. Я очень любил твою маму.

Он говорил это без слез в голосе, а просто как человек со здоровой психикой, который все понимает и принимает даже смерть любимой женщины. (*Философ хренов.*)

– Нет, я не сержусь. Это вы, наверное, сердитесь, что я позвонила вам так поздно...

– Чушь! Я столько лет ждал твоего звонка! Между прочим, это не пустые слова. Ну что, пойдем в ресторан, потолкуем?

Они толковали с коньяком. Марго набралась по самые уши и рыдала у него на плече. Ей было горько при мысли, что рядом с ними нет сейчас мамы. Она чувствовала себя предательницей.

– Лютов, почему ты не увез меня тогда из того проклятого города? Почему позволил отдать меня в интернат, не похлопотал о квартире, которую они продали, а на вырученные деньги купили машину и дачу? Почему? – упреки сыпались из нее на голову почти трезвого Лютова как из мусорного ведра. И она понимала, что не должна этого говорить, но живущая в ней «Марго номер два» глушила ее своими биоволнами, усиленными коньяком, и не позволяла себя перебивать.

– Да потому что мне сейчас тридцать лет, представляешь? А тогда, когда тебе было двенадцать, мне – всего лишь двадцать два. И кто же это мне отдаст на воспитание такую взрослую девочку? Вытри слезы, вот тебе салфетка, и успокойся. Ты сама виновата, что не позвонила мне раньше и ничего не рассказала. Пойми, я молодой мужчина, мне надо было приложить максимум усилий, чтобы доучиться, во-первых, а во-вторых, заняться чем-то полезным и приносящим деньги. Как только я устроился в мэрию и стал более-менее сносно получать, первое, что я сделал, – это разыскал тебя и прислал посылку. Я подумал, что если бы тебе было так плохо, как ты рассказываешь, то ты бы нашла способ сообщить мне. Но ты писала вполне благополучные письма, из которых я сделал вывод, что учишься ты нормально, что со здоровьем у тебя тоже все в порядке. Я ждал, когда ты начнешь писать о своих планах на будущее, но ты почему-то перешла на дежурные поздравительные открытки, а после и вовсе замолчала. А что мне оставалось делать? Если бы тебе было пять лет, я бы удочерил тебя, хотя для начала мне бы пришлось жениться. Да я, собственно, женился, был такой опыт. Но у нас не сложилось, моя жена сошлась с одним канадцем, они организовали совместную фирму, а потом уехали. Женщина всегда выбирает... Вот, высморкайся. И не хлопай, это не выход. Расскажи лучше, что ты делаешь в Москве и каким ветром тебя сюда вообще занесло.

– Пока еще не решила. Сбежала от одного парня, он картежник...

– Уж не проиграл ли он тебя?

Она подняла мокрое от слез лицо и покачала головой:

– А ты откуда знаешь?

Она не могла обращаться к нему на «вы» – они были почти одногодками с Вадимом: молодой красивый мужик, с густыми каштановыми волосами, темными умными глазами. Мама любила его, но не только за красоту. Она всегда говорила, что он не по годам развит, что, несмотря на молодость, настоящий мужчина. Марго помнила слова, которые она употребляла,

когда говорила о своем московском друге: «ответственный», «надежность», «как за каменной стеной», «ласковый и нежный».

– Почитай криминальную прессу, если речь заходит о картах, так обязательно кого-нибудь проигрывают. И, как правило, сначала своих подружек. Но ты не должна упиваться своим горем. Еще раз повторяю, ты в Москве, а это теперь самое главное. Уж здесь-то я тебя не дам в обиду. У меня есть кое-какие связи, друзья, со мной ты можешь чувствовать себя в безопасности. А сейчас ты выпила, многое не воспринимаешь, но я все же тебе скажу – тебе незачем жить в гостинице. Переезжай ко мне. Я все равно один. Приставать к тебе не буду, это можешь в голову даже не брать. Мне достаточно того, что ты Наташина дочь, чтобы я держал себя в руках. Хотя, признаюсь, ты очень красивая, очень... У вас в Баронске все такие хорошенькие?

Ей вдруг расхотелось плакать. Какой же легкий это человек, поразила ее тому, как внутри ее от мягкого говора Лютова что-то высвободилось и покинуло ее, как выпутавшаяся из оконной марли ночная бабочка. В сущности, что страшного-то произошло? Она здорова, молода и полна сил. И если бы не история с Ингой... рассказать или нет? Лютов не предаст ее, но подскажет, как надо действовать. И все же что-то удержало ее, хотя коньяк, морскими волнами шумевший в голове, советовал как раз обратное. Но она вдруг испугалась, что Лютов разочаруется в ней и бросит ее здесь, расхристанную, пьяненькую, на произвол судьбы. Он с такой же легкостью и в популярной форме объяснит ей, что раз она сама избрала такой путь наживы и устройства в мире, то нехай себе и погибает...

– Поступим следующим образом. Сейчас я провожу тебя в номер и уложу спать. Тебя не тошнит?

Она что-то промычала в ответ. Ей было ужасно стыдно за то, что она напилась и вела себя как самая настоящая провинциалка, дорвавшаяся до бесплатной выпивки.

– Рита, ты меня слышишь?

Они были уже, оказывается, в номере, а она даже не заметила, как здесь очутилась. Начались провалы в памяти.

– Я тебе помогу раздеться, ты не обращай на меня внимание... Подожди, сейчас принесу халат... Стой и не падай... О господи!

Из Марго хлынуло, и Лютов, подхватив ее под мышки, поволок в ванную.

– Убить тебя мало, поганку такую... Открой пошире рот... – И два его пальца втиснулись в самую ее глотку.

* * *

Утром он поил ее горячим кофе. Постель ей уже заменили, халат принесли чистый.

– Если хочешь искупить свою вину, переезжай ко мне. Еще одно такое художество, и ты влетишь в какую-нибудь грязную историю. Ты девка красивая, доверчивая, словом, из Баронска. И не злись, в провинции все добрые и доверчивые. И это хорошо. Так переедешь ко мне?

– Я не могу, – говорила она, делая большие глотки и чувствуя, что никак не может напиться.

– Хочешь, я закажу для тебя апельсинового соку?

– Да, хочу, очень хочу.

– Тогда пообещай, что переедешь.

– Не могу.

Он относился к ее словам несерьезно. И это бросалось в глаза. И все же он казался ей самым близким и родным человеком на всем белом свете. Она уже боготворила его, она хотела

жить у него, разговаривать с ним и задавать вопросы, но бурчала свое «не могу», не в силах признаться в причине.

– Понимаешь, – оживилась она после того, как выпила два стакана сока залпом, – я могла бы рассказать тебе кое-что, но тогда ты уже не захочешь, чтобы я жила с тобой в одной квартире.

– Ты занималась проституцией? – спросил он, не глядя на нее. – Так это не беда. Сейчас ты в Москве, где тебя никто не знает. Я покажу тебя хорошему гинекологу, мы подлечим тебя, будешь как новенькая, выдадим замуж за приличного человека, и все – твое будущее обеспечено.

– Дело не в проституции... – сказала она и почувствовала, как покрывается мурашками. Лютов подошел к ней, рывком задрал рукава халата, словно опомнившись. Внимательно осмотрел вены.

– Ты на игле? Или «колеса» глотаешь?

– Нет, ты что! – прошептала она. – Я не наркоманка.

– Значит, у тебя СПИД? – Лицо его побледнело, и Марго поняла, как он переживает за нее, недостойную.

– Лютов, я здорова как лошадь, – ответила она мрачно и опустила рукава. – Я совершила преступление. Выбросила в окно соседки по купе.

* * *

– Значит, так, сопли размазывать не будем. Но чтобы ты знала, что тебя ждет за твои художества, я должен встретиться с адвокатом и проконсультироваться...

– Ты хочешь все ему рассказать?

– Я скажу, что один мой знакомый молодой писатель пишет книгу и ему нужно узнать...

– Понятно, – оборвала она его. – Валяй. Но только не выдавай меня. Я и сама не знаю, как это случилось. Меня бес попутал. Я не хотела быть проституткой, наркоманкой и закончить свои дни со СПИДом в крови. Посуди сам, у меня нет никакого образования, кроме парикмахерских курсов, в Москве меня никто не знает...

– А как же я? Почему ты так плохо думаешь о людях? Кто так поработал над тобой? Твой последний дружок-картежник?

– Не знаю, наверное... Но ведь она была мертва! Мертва!

– Откуда ты знаешь?! А что, если она была жива, когда ты ее выталкивала в окно?

– Нет, она была холодная. Ее сердце не билось. На зеркальце не было пара. Пульс не прощупывался. Она НЕ ДЫШАЛА, пойми ты! Она была мертва!

– А если она до сих пор жива? – Лютов остановился посреди комнаты, по которой носился вот уже несколько минут, переваривая страшную новость.

– Я не сказала тебе... не успела... Я же похоронила ее. Позавчера. Взяла машину и поехала в Узуново... Я расскажу тебе все, если ты принесешь мне еще соку или минеральной воды, только холодной.

Лютов слушал молча, лишь изредка бросая на нее странные, глубокие взгляды, словно спрашивая себя, а что он, собственно, делает в этом гостиничном номере, где воздух пропитан отравой?

– А ты хладнокровная и расчетливая особа, – сказал он, когда она закончила говорить. – Все раздобыла: и лопату, и фонарь, и клеенку... Отлично срежиссировала. Что я могу тебе на это сказать? Можешь какое-то время жить спокойно. Билета у тебя не было, поэтому никто, кроме проводниц, не сможет подтвердить, что ты ехала именно на этом поезде. Но у проводниц

таких «зайцев» – тьма. К тому же шума-то еще не было. Твоя Инга могла выйти на какой угодно станции без особого труда. Я сам лично всегда выхожу на всех станциях – подышать свежим воздухом и купить пива. Раз труп оказался на месте, то есть под насыпью, следовательно, его никто не видел, а если и видел, то лишь из поезда, но его могли принять – правильно ты говоришь – за что угодно... Там же деревья? Поехали дальше. Кто тебя видел? Женщина, которая подвозила тебя до Узунова. Ну и что? Там наверняка есть дачи. И Узуново только у тебя, да теперь еще и у меня будет связано с именем Инги – труп-то пока никто не обнаружил. Да и вряд ли обнаружат. Разве что случайно. Или лиса разроет, или охотничья собака, или какой-нибудь бродяга наткнется. Но ведь там лес, что там делать бродяге, да еще и в пяти с лишним километрах от самой станции? Главное, ты не паникуй. Что касается, выдавать мне тебя милиции или нет, посмотрим на твое поведение. Но, если честно, ты разочаровала меня, Рита...

– Марго, – поправила она его. – Меня все зовут Марго. Хотя бы до тюрьмы зовите меня так, а потом мне уже будет все равно. Понимаете, моя жизнь не задалась с самого начала, да и у моей мамы тоже. Когда я увидела, что Инга мертва, я решила, что сама судьба подбрасывает ее мне. Вот такая я дура.

– Да уж, умной тебя никак не назовешь. Только прекрати выкать, уши вянут. Ты напилась?

– Напилась. Теперь я как аквариум, не хватает только апельсиновых рыбок.

Марго получила назад свои деньги и поблагодарила администраторшу за заботу (она имела в виду испорченную постель и загубленный белоснежный халат, но девушке, похоже, было на все наплевать – она читала, не поднимая головы, какой-то роман). Лютов повез ее к себе домой.

Он жил недалеко от станции метро «Аэропорт». В большом доме с охраной.

Просторная чистая квартира из нескольких комнат, полно диванчиков, подушек, торшеров, книг. Но больше всего понравился Марго паркет – ровный, блестящий.

– Знаешь, когда я была маленькой, я надевала толстые шерстяные носки и, опершись о подоконник и скользя ногами по новому линолеуму, изображала из себя фигуристку...

– Здесь ты можешь обойтись и без подоконника – катайся сколько хочешь, только постарайся ничего себе не сломать...

– Что же ты замолчал? Ты же хотел продолжить: в тюрьме тебе, Марго, и без гипса будет несладко, ведь так?

– А ты что, еще и мысли чужие читать умеешь?

Она не могла на него злиться.

Лютов выделил ей комнату, освободил шкаф. «Устраивайся, дочка». – «Спасибо, папа». Они играли и дурачились, словно обрадовались, что не одни в этой большой Москве. Марго спросила его про любовницу.

– Я же нормальный мужик, есть у меня одна, но с ней слишком много хлопот. К тому же, когда она здесь появляется, хоть всех святых выноси! От нее много шума, хлопот, каких-то вещей, которыми она тут же заполняет все свободное пространство, а еще духи. Она обожает поливать духами все, что ее окружает. В том числе и твоего покорного слугу.

– А какой была моя мама? И где вы с ней познакомились?

– Твоя мама была чудесной женщиной. Во-первых, она была женственной, красивой и очень умной. А еще – легкой. С ней всегда можно было обо всем договориться. Я не верил, что она сможет приезжать ко мне сюда, в Москву. Но она приезжала, и ей нравилась эта двойная жизнь. И с ней не было никаких хлопот. Она всегда и всем была довольна. Она любила меня, и мы собирались жить вместе. Эта квартира досталась мне от родителей, видишь, какая она большая – мы втроем бы здесь замечательно устроились. Когда я узнал, что она тяжело

заболела, болезнь уже зашла слишком далеко. У нас с Наташей не было общих знакомых, мне позвонила ваша соседка, она уж не знаю, каким образом, но разыскала мой московский телефон... А так бы я не успел даже на похороны. Ее смерть... Это было страшно и несправедливо. Я до сих пор не верю, что ее нет. Но есть ты, Марго, и я счастлив, что хотя бы для тебя могу что-нибудь сделать. А теперь постарайся хорошенько выспаться. И больше так не напивайся. Алкоголь разрушает не только кожу, но и мозг... Ты поняла меня?

– А ты куда?

– Поеду на рынок, куплю продуктов, у нас же теперь семья. Мне надо тебя кормить.

– А я? Я что, арестована? – Она еще ни словом не обмолвилась ему о документах Инги, о квартире, где успела побывать, гараже и машине, не говоря уже о документах на немецком. Она знала, что все равно покатается на «Тойоте» и потанцует на лезвии бритвы. И это оказалось сильнее ее благодарных чувств к Лютову. *Ей нравилась эта двойная жизнь... Это он о маме. Всем нравится двойная жизнь. Тот, кто отрицает это, – подло лжет.*

– Нет, Марго, ты не арестована. Пойдем, я покажу тебе, как открываются и запираются двери, как ставить квартиру на сигнализацию... Хотя это еще рановато. Ты сможешь передвигаться куда угодно и как угодно. Единственное правило, которое ты неукоснительно должна будешь соблюдать, – это давать о себе знать. Я буду заботиться о тебе, а ты, если захочешь, – обо мне. У нас все будет хорошо. Я знаю, о чем ты сейчас думаешь. Нет, та женщина, о которой я тебе рассказывал, не придет. При всей ее несобранности и стихийности, *ко мне* она всегда приходит только с разрешения и по договоренности.

– Но ты не должен лишать себя... свиданий...

– Пусть это тебя не тревожит. Что же касается твоей личной жизни, то постарайся держать меня в курсе. В Москве полно проходимцев, я уже тебя предупреждал. Ты девушка красивая, бросаешься в глаза. Будь поосторожнее... Я в ближайшем будущем подарю тебе сотовый телефон, и мы будем общаться. Я не слишком навязчив?

– Нет, ты – прелесть, – и она чмокнула его в щеку. – Тогда дай мне МОИ ключи.

* * *

Уже на улице, где она оказалась спустя полчаса после ухода блаженного Лютова, она почувствовала себя намного спокойнее. Но теперь, когда долю ответственности за совершенное ею преступление она возложила на своего «папочку», ей стало легче дышать. Пусть он теперь ломает голову над задачкой, пусть придумывает ей оправдание. *Ты свинья, Марго, к тебе человек всем сердцем, а ты мчишься через всю Москву в Крылатское, чтобы овладеть не принадлежащей тебе «Тойотой». А ведь на водительском удостоверении вовсе не твоя мордашка. Ты рискуешь не только собой, но и репутацией, а может, и карьерой блаженного.*

За Осенним бульваром, в каменных джунглях она раскопала наконец нужный район, ровные ряды гаражей кооператива «Радон» и остановилась перед боксом под номером 27. Посмотрев по сторонам и убедившись, что на нее никто не смотрит, она проворно достала из сумки связку ключей и методом тыка принялась открывать замки. Они были почти новые, хорошо смазаны, поэтому открывались в прямом смысле как по маслу. Последнее усилие, тяжелая металлическая дверь поплыла в сторону, как бы приглашая ее войти внутрь. Шикарная светло-зеленая машина распахнула свою дверцу – Марго села за руль и замерла. Ей показалось, что она, сев в машину, новенькую, пахнущую кожей, натянула на себя словно эластичную и пришедшуюся ей как раз впору мертвую кожу Инги Новак – ее богатую, но неизвестную ей, совершенно чужую жизнь. И ей эта кожа не мешала. Дурной знак, подумала она.

Кое-что смысла в машинах, она проверила наличие бензина – бак почти полный. В салоне имелся ящик с черными автомобильными перчатками, картой города, сигаретами и прочими, необходимыми в дороге мелочами вроде складного стакана, ножичка... *А чего, собственно,*

ждать? Садись и езжай. Пусть даже тебя и остановят, покажешь им водительское удостоверение – они все равно ничего не заметят, стоит тебе им только улыбнуться, как в рекламе жевательной резинки.

От этих мыслей ей стало жарко. Но соблазн был слишком велик – посмотреть Москву из машины, да еще какой?!

Все, колесо закрутилось, отступить поздно. Она выехала из гаража, вышла из машины, чтобы запереть его, нисколько не заботясь о том, что всюду оставляет свои отпечатки пальцев. Она сходила с ума от того, что делает, но и остановиться не могла. Уже в машине снова достала удостоверение. Овальное лицо, цвет глаз не разобрать, потому как фото совсем маленькое. *Вытаращу глаза и скажу: вы что, молодой человек, ополоумели? Как это не я? Это вы, мужчины, почти не меняетесь, а я перекрасила волосы. Еще вопросы будут?*

Дрожать она начала уже на Рублевском шоссе. Но постепенно, осваиваясь с плавно скользящей по асфальту машиной, успокоилась и даже стала испытывать наслаждение от езды. Машина была легка в управлении и слушалась ее, как только что найденный ею и обласканный ребенок. *Ты будешь моим зеленым крокодилчиком.* Нижние Мневники, смотрела она на карту, затем плавный переход в улицу Народного Ополчения и сразу направо, вот он, «Аэропорт»... Но это на карте было все так просто и быстро, на самом деле она потратила на эту прогулку много времени: Лютов наверняка уже вернулся с рынка и ждет ее вместе с объяснениями. Что она ему скажет?

Но все ответы она нашла в большом супермаркете, возле которого остановилась по дороге в «Аэропорт». Набрала целый пакет каких-то салфеток, моющих средств, мыла и прочей хозяйственной мелочи – пусть докажет, что она отсутствовала почти три часа. А так у нее есть шанс показать себя с хорошей стороны, во всяком случае, хозяйственной. Она уже была готова сделать генеральную уборку, чтобы только произвести на Лютова хорошее впечатление, как, войдя в квартиру, поняла, что он еще не возвращался. Тогда она подбежала к окну и выглянула, чтобы удостовериться, что ее «крокодилчик» – не сон, что зеленая матовая «Тойота» стоит у соседнего подъезда и ждет свою новую хозяйку. Сердце ее радостно подпрыгнуло, и она с каким-то рвением принялась за уборку. Подоспевший Лютов был приятно удивлен, увидев Марго в новеньком фартуке и со щеткой в руке. Сдунув волосы со лба, она победно окинула его вытянутую и напоминающую фонарный столб фигуру, мол, как я тебе?! Лютов же сгубился под тяжестью пакетов. «Самое тяжелое – это овощи: капуста, свекла... надеюсь, ты сваршишь борщ?» – «Так ты меня так долго уговаривал переехать к тебе, чтобы не тратиться на домработницу и не обременять себя дорогой любовницей?» – «А ты как думала... Вот, принимай, это тебе, здесь разные вкусные вещи, которые ты, верно, и не пробовала. Марго, господи, как же хорошо, что ты есть! Если честно, то я терпеть не могу готовить, зато люблю хорошо поесть. Мы прекрасно заживем – я буду приносить продукты, ты готовить, а потом мы найдем тебе преподавателей, и они подтянут тебя по нужным предметам. Я вот тут купил справочник для поступающих в вузы... Ты, главное, не бойся и не комплексуй по поводу своего образования. Я уверен, что ты способная и талантливая, как и твоя мама, я ее тоже, кстати, уговаривал поступить в университет на журфак, но ее тянуло к цифрам. А тебя куда тянет?» Сестра в машину и укатить к чертям собачьим... Точнее, в Баронск, проехаться перед носом Гамлета, заглянуть к Вадиму и сказать ему в лицо все, что я о нем думаю, подонок...

«Меня тянет в театр», – сказала она первое, что пришло ей в голову. «В театр? – Лютов так и остался с бутылкой можайского молока в руках, пытаясь понять, шутит она или нет. – Нет, ты серьезно?» – «А что? Ты же сам говорил, что внешне я вроде бы ничего... Память у меня хорошая, роли быстро запомню...» – «Это слишком серьезный вопрос, – наконец он пришел в себя и снова полез в холодильник. – Ты не спеши, полистай все-таки на досуге справочник, попытайся понять, что, кроме профессии актрисы, есть более основательные, которые дадут

тебе несравнимо больше... Ну вот, а теперь мне надо немного передохнуть, терпеть не могу ходить по магазинам. Они меня угнетают своей суетой...»

Пока Марго жарила отбивные и чистила картошку, он кому-то названивал. По отдельным репликам можно было понять следующее: он наводил справки о каких-то театральных курсах. В разговоре звучали громкие фамилии известных театральных деятелей, знаменитых режиссеров вроде Олега Табакова или Марка Захарова. «Может, я, конечно, и зря это сказанула, но чем черт не шутит», – думала она, переворачивая куски мяса и чувствуя себя в этой кухне как дома. До этого она не испытывала ничего подобного, ни когда жила с Юрой, а уж тем более с Вадимом.

– Сосед машину купил, – вдруг услышала она и перестала дышать. – Меняет их, как перчатки.

– А ты любишь машины?

– А кто их не любит? Но я однолюб, – улыбнулся он не то Марго, которой залюбовался, прислонившись к стене и наблюдая, как она управляет у плиты, не то имея в виду свою машину.

У него был выдавший вида черный «Мерседес», на котором он ее, Марго, собственно, сюда и привез.

– Мне тоже нравится «Мерседес», – сказала она тоном девочки, которая ничего не смыслит в технике. – Красивая машина, шикарная.

– Вот там, за окном, взгляни, видишь, стоит машина? Это японская «Тойота» – высший пилотаж! Тебе чем-нибудь помочь?

– Да нет, не надо, все уже готово. Мы где будем есть – в комнате или на кухне?

Спросила и обмерла: эти же слова она произносила в день по несколько раз, когда жила с Вадимом. Обычно после еды они ложились отдохнуть, и все кончалось одним. Что будет теперь?

– Предлагаю поужинать здесь, чтобы не таскаться с подносами, а после ужина поедим, я покажу тебе Москву, – словно прочтя ее мысли, сказал Лютов. – Ты как, не против? Если устала, так и скажи.

– Нет, я не против. Тем более что я Москву совсем не знаю...

* * *

Ночью в постели Марго обложилась документами. Она знала, что Лютов крепко спит – из гостиной доносилось его сладкое похрапывание. Порывшись в папках, которые она предусмотрительно прихватила с собой из квартиры Инги, она выяснила, что, помимо машины с гаражом, у Новак имелся какой-то склад умопомрачительных размеров, находящийся на уже хорошо известном ей Петровском бульваре. Не так уж и далеко от Рождественки, где жила Инга.

Хотелось посмотреть. А вдруг ей удастся там, на этом складе, что-нибудь выяснить об Инге? Ведь не могла же она обзавестись всем этим движимым и недвижимым имуществом без чьей-либо помощи. Да и вообще, как же так получается: человек пропал, сгинул, а его до сих пор никто и не хватился. Как ни хотелось Марго обращаться к соседям, чтобы навести справки о покойнице, но другого выхода у нее просто не было. Ведь стоит ей только узнать, что у Инги никого нет и что по ней сейчас никто не плачет, как сразу же все встанет на свои места. А именно: можно будет уже искать людей, способных поменять фотографию на паспорте Инги, после чего все ее имущество будет продано, а деньги достанутся одной Марго. Ну, может, еще и Лютову, поскольку он свой человек и оценит ее доброту по достоинству. От этих наполеоновских планов кружилась голова. Ей не терпелось поскорее сесть в машину, примчаться на

Петровский бульвар, разыскать склад... Стоп. Она не может появиться возле склада на своем «крокодиле». Люди, знавшие Ингу и находящиеся у нее в подчинении (а почему бы и нет?) – имеются в виду те, что работают на этом складе, – могут узнать машину, и тогда неприятностей не оберешься. Ладно, пусть на метро она доберется до Петровского бульвара, разыщет склад и, прикинувшись безработной, попытается устроиться туда на работу. Пусть даже на самую низкооплачиваемую, работать-то она все равно не собирается. Не пройдет и двух дней, как ей станет все ясно: кто хозяин, кем приходится Инге и все такое прочее. План показался ей просто-таки гениальным.

Утром Лютов ушел почти на рассвете, сказав, что у него срочные дела. Оставил ключи, показал даже, где лежат деньги, и, пообещав, что поговорит со знакомым адвокатом насчет «умершей в поезде Инги», убежал. Марго показалось неестественным, что он ни разу не спросил ее о том, зачем она это сделала. То есть он, конечно, знал, что она взяла деньги, на которые и жила в гостинице, и все! Неужели его фантазия на этом и кончалась? Неужели ему, этому неглупому человеку, не пришло в голову, что у Марго, решившейся на такое, были глобальные планы? Скорее всего, причина молчания кроется в порядочности блаженного, пришла к выводу Марго. Или он ждет, что она начнет рассказывать дальше. *Ха, дальше. Так я тебе все и рассказала. Разве что снова напиться. По-трезвому такие вещи не рассказывают.* Но тут же вспомнила, что призналась-то она ему с глубокого похмелья, продалась, что называется, за литр апельсинового сока. Есть такие люди, подумала она с грустью, имея в виду себя, родимую, которые умеют создавать сами себе проблемы. Жила бы себе спокойненько без Лютова, в гостинице, обедала в ресторане, каталась на «крокодиле», осматривая столичные достопримечательности, пока не решился бы вопрос с Ингой. А там уж видно было бы. Но, с другой стороны, она знала: что бог ни делает, все к лучшему. Мало ли что случится, у нее есть Лютов.

Как ни странно, но весь день она провела дома: варила обед, осматривалась, кое-что изменила для удобства в спальне, поменяв вещи местами. Затем, не дождавшись хозяина, пообедала, посмотрела телевизор, почитала «Джен Эйр», вообразив себя на ее месте, и, сморенная, уснула. Лютов приехал поздно, поужинал и засел за какие-то бумаги. «Не обращай на меня внимания, Марго, занимайся своими делами. А у меня работы по горло». Спать она легла рано, да только сна у нее не было. Из головы не шли документы. Вот где она пожалела, что не брала бесплатные уроки немецкого в интернете. Сейчас бы они ей навернякагодились.

Сложив аккуратно все бумаги в папку и спрятав ее в шкаф с нижним бельем, она откинулась на подушки. Да, он был прав, когда уговаривал ее переехать к нему. Здесь безопаснее, спокойнее и пахнет домом. Противоречивые чувства, которые владели ею постоянно, все время, что она находилась рядом с Владимиром Николаевичем, заставляли ее о многом задуматься. Во-первых, ей показалось, что он сильно изменился. Вместо взрослого мужчины, каким она его помнила, сегодня Лютов казался ей чуть ли не ровесником. Она понимала причину, которая крылась в первую очередь во взрослении самой Марго. Поначалу ей и старшеклассники с разницей в возрасте в пару лет казались взрослыми мужчинами. А что было тогда говорить о двадцатитрехлетнем Владимире Николаевиче? Кроме того, ведь он встречался с мамой. Следовательно, она и относиться должна была к нему как к потенциальному отчиму. А что получается на сегодняшний день? Лютов – потенциальный любовник, сожитель, друг, муж. Она спрашивала себя, смогла бы лечь с ним в постель, и отвечала твердо: нет. Между ними стоял светлый, в романтическом ореоле образ матери, Наташи Троицкой. Марго с грустной улыбкой подумала о том, что в устах Лютова имя матери воспринимается ею как-то особенно нежно.

Мысли ее упрямо возвращались к складу. И еще одно обстоятельство не давало покоя – ключи. Дело в том, что в связке с ключами от гаража осталось не востребованными еще несколько ключей, которые вполне могли иметь отношение к тому же складу.

Бессонница все-таки подняла Марго с постели. Она накинула тяжелый хозяйский халат (надо бы купить свой, да и обзавестись ночной рубашкой) и вышла на кухню. Открыла холодильник. Вот и снова она поймала себя на том, что ведет себя здесь как дома. Но почему?

Послышался шорох – она быстро обернулась и, увидев стоящего в трусах Лютова, смутилась.

– Я пить захотела, – извиняющимся тоном прошептала она, словно поблизости кто-то спал.

– Да я ничего, просто услышал звуки и решил узнать, все ли у тебя в порядке...

– Я вот еще что... – Марго стояла перед ним, неловко прижав к животу коробку с соком. – Как мне тебя называть? По имени-отчеству?

– Зови Володей, если хочешь. Можно дядя Вова. Мне все равно.

– Дядей Вовой не получится – это как по ране сыпать перцем. Давай Володей.

– По рукам. А я, ты знаешь, что-то проголодался. Видел только что гастрономический сон. Но если честно, то я по ночам часто ем. Ты не будешь возражать, если я себе подогрею шей.

– Странно... Почему это я должна возражать? Ты же здесь хозяин, это мне надо у тебя спрашивать, что можно делать, а что – нет.

– Глупости. Мы свои люди, и ты должна крепко это себе усвоить. Да, кстати, я обещал тебе узнать, что грозит таким нехорошим девочкам, которые выбрасывают тела из вагона.

Он посмотрел на нее хитрыми глазами, и лицо его расплылось в улыбке.

– Так вот, адвокат сказал мне, что никогда прежде не сталкивался с подобными случаями...

– И это все?

– Нет, не все... Он сказал, что весьма сложно определить, имеется ли в подобном действии состав преступления, хотя...

– Говори! Не тяни!

– ... хотя все это пахнет статьей 244 «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения»...

– Ты это серьезно? – Марго напряглась.

– Вполне... Однако в конце разговора он заметил, что раз героиня романа никакого преступления не совершала и перед тем, как выбросить труп из окна, убедилась, что девушка мертва, так она вроде как ни в чем не виновата. Другое дело – мотив... – Лютов говорил загадками, неприятными загадками, от которых мороз шел по коже.

Марго отвела взгляд. Началось. Вот он, разговор, которого она так ждала и боялась. Конечно, кому это захочется показывать все самые свои неприглядные качества души. Даже инстинкт самосохранения покажется жалким блеянием в свое оправдание.

– Мотив? А разве не понятно? – Она густо покраснела. – У меня же ни копейки за душой не было... Я открыла ее сумку и увидела деньги, ключи...

– Много денег?

– На гостиницу бы хватило, на месяц, да еще и приодеться.

– Марго, а вот это уже преступление.

– Я предупреждала тебя, что мне не следовало сюда переезжать. Теперь ты понимаешь?

– Такое понять трудно. Но, с другой стороны, у меня нет морального права упрекать тебя в чем-либо. Я могу допустить, что человек, попавший в определенную, сродни безвыходной, ситуацию, ведет себя неадекватно. То есть людям, живущим в сытости и покое, их поведение может быть непонятным и даже абсурдным, если не преступным. У меня вот тоже однажды была ситуация... Когда от меня ушла жена, я напился. Вообще не помню, где ночевал, с кем, но очнулся на улице, в сквере на лавке. Замерзший и ничего не соображающий. Никак не могу определить район, где нахожусь. Пальто в грязи, шляпы нет, карманы вывернуты наизнанку.

А самого трясет не хуже, чем тебя недавно... Ладно-ладно, не буду... Так вот. Зашел в кафе, просто чтобы согреться. А там народу – никого, кроме одной девушки, которая за высоким столиком пьет кофе и ест пирожные. Она такая вся аккуратная, свежая и чистая в отличие от меня, помойного. Ты себе представить не можешь, как мне тогда захотелось выпить горячего кофе. Я прислонился к стене, чтобы не упасть...

– Тебе было так плохо с похмелья?

– Думаю, что меня кто-то грохнул по голове, потому что позже я нащупал там шишку, да и тошнота была скорее всего из-за сотрясения мозга. Меня же ограбили, украли золотые часы...

– Золотые?

– Да, представь себе, твой покорный слуга так разжился, что позволил себе купить золотые часы. Дальше рассказывать?

– Как хочешь, да только я и так все уже поняла. Эта девушка угостила тебя кофе.

– Да, ты права. Она специально для меня купила два – заметь, два! – стакана горячего кофе и одно песочное пирожное. Это был самый роскошный завтрак.

– Она увидела твое пальто, рубашку, оценила стоимость и поняла, что ты приличный господин, у которого случилась беда. Но если бы ты увидел меня в том спортивном костюме, в котором я выбежала из дома, спасаясь от Гамлета, ты бы, окажись я на месте той девушки из кафе, ни за что не протянул мне руку помощи. Здесь не надо быть психологом, чтобы разобраться, кто сколько стоит. За меня бы здесь, в Москве, никто ломаного гроша не дал. Разве что внешностью немного попользовался, да и все... Понимаешь, ты вчера, задавая свои страшные вопросы, не проститутка ли я, не наркоманка и нет ли у меня СПИДа, как бы тем самым заранее простил меня, то есть допуская все эти ужасы, принял меня вместе с ними... И тогда я поняла: да, правильно, что я рассказала Лютову об Инге, он должен понять. И, конечно, я ждала, что ты начнешь расспрашивать меня о причине, толкнувшей меня избавиться от трупа. Да, корысть, и говорить нечего. Ты еще больше будешь презирать меня, если я скажу тебе, что мне захотелось надеть на себя ее красивую стильную одежду, белые ботиночки... Я – ничтожество?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.